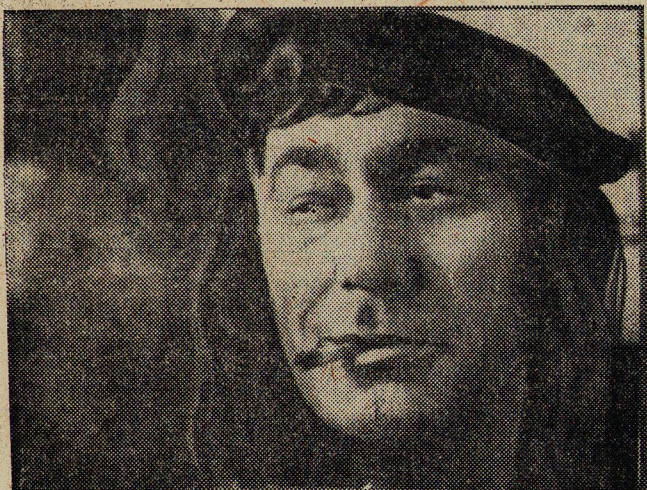

«СОВЕТСКАЯ
МОЛОДЕЖЬ»
4

НАШ СОВРЕМЕННИК ШЕКСПИР

К ДЕКАДЕ
РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

Корону за коня! Здесь шекспировский текст очень удачно смещен режиссером спектакля Е. Д. Табачниковым, это подчеркивает мысль: коня Ричард требует, чтобы продолжить бой, потому что пешим биться в тех боях было нельзя. И эти последние слова несомненного злодея показывают страшную живучесть социального зла.

Духовная эволюция Ричарда, как ее рисует Самойлов, — не в раскаянии, а во все нара-

ВЛАДИМИР САМОЙЛОВ В РОЛИ РИЧАРДА

(«КОРОЛЬ РИЧАРД III» ШЕКСПИРА)

Горьковский театр драмы поставил одну из интереснейших трагедий-хроник Шекспира «Король Ричард III». Из всех исторических хроник Шекспира — это первая настоящая трагедия с единством действия, с трагическим героем крупного плана — могучий характер с несокрушимой волей и неустойчивой энергией в достижении преступных целей.

Ричард III, вероятно, не был преступнее всех других английских и европейских феодалов своего времени, но Шекспир сделал из него титаническую фигуру злодея по размаху своему достойной эпохи Возрождения.

Роль Ричарда III играет заслуженный артист РСФСР Владимир Самойлов, известный широкой публике как исполнитель роли хирурга Северцева в фильме «И снова утро» и роли секретаря обкома партии Денисова в фильме «Секретарь обкома».

Открывается занавес — зеленая земля сияет под лучами весеннего солнца. На ней странной кажется искривленная фигура по-солдатски грубо и просто одетого человека, с бледным лицом и темными растрепанными волосами. Резко искривленный силуэт в профиль выделяется на солнечном фоне. Герцог Глостер нежится на солнце, вдумчиво, с наслаждением ловит лучи рукой. Он похож на кривой, но крепкий ствол дерева. Но вот он идет к рампе, волооча ногу, оказывается, у него сухая левая рука, и странно, в этом изуродованном человеке есть какая-то хищная грация и нервная пластика. Ричард торжествует: «Прошла зима тревоги нашей». Йорки победили. Но говорит он об этом глумливым, скрипучим голосом: он не забывает, что для него, урода, нет простых человеческих радостей, еще раньше он мечтал «покончить с этой мукой, прорубив желанный путь кровавым топором». Он решает «злодеем стать».

Зловещее темное лицо с чеканными чертами (кстати, очень точно в гриме воспроизведен исторический портрет короля) озаряется красным светом; исчезает, как по волшебной палочке, черная и зеленая земля, превращаясь в черную, лохматую тучу; небо меркнет, земля становится голой, обугленной, растрескавшейся, над ней мечется кровавое пламя костров. Слышен звон оружия, черная стража ведет в тюрьму герцога Кларенса, черные слуги несут покрытый черным бархатом гроб Генриха VI...

В следующих сценах зловеще светятся окна замка-тюрьмы — Тоуэра, нависают тюремные решетки, туча делается как бы негативом горюющей

вой мантии, повисшей над тронном кровавого короля. Мрак становится все гуще, и только в финале вновь светит бледное английское солнце, озаряя застывший на авансцене труп короля-злодея. Художественное оформление спектакля (художник — заслуженный деятель искусств РСФСР В. Я. Герасименко) звучит и развивается как музыкальная тема.

На этом фоне, в насыщенной грозой недоброй и тревожной атмосфере герой трагедии живет как кровавый зигзаг молнии. Кривятся тонкие губы, слышится скрипучий смех, толчками, но мягко и стремительно движется сильное тело. Ядовитое остроумие, короткие властные приказы сверкают, как лезвие обнаженного меча. Перед нами — активное беспоощающее зло, самоуверенное, деловитое, презирующее все нравственные ценности ради своих «далеко идущих целей». По Шекспиру следует, что эта цель — создание свирепой, железной средневековой монархии, где подавленные подданные трепещут перед своим властелином. В эпоху наступившего Возрождения — это реакционная утопия.

Однако самойловский Ричард скорее спортсмен, чем страстный властолюбец — его увлекает самый процесс борьбы за власть, тут он неукротим, абсолютно бесстрашен и способен на все, но, достигнув цели, он как-то меркнет, скучает, дальнейшие преступления совершая без вдохновения, по инерции. Оживает он только тогда, когда ему грозит опасность. Тут он снова активен, нагл и самоуверен. Вельможе, известившему его об измене Бекингема и о приближении войск Ричмонда, он вполне естественно и весело бросает, что, пока они здесь болтают, можно было бы победить врага или умереть со славой (не одно ли и то же)! Зловещий сон в палатке перед боем — это не раскаяние и не муки совести, как обычно дается на сцене по традиции (еще со времен прекрасного актера Юрьева). У Самойлова это мрачное отчаяние игрока, который чувствует, что может проиграть. Его речь к войску перед боем — великолепный образец грубой и наглой военной демагогии — полностью характеризует цели Ричарда. Ричард в передаче Самойлова — храбр от природы, он вгипн, оружие в его грубых руках играет и искрится. На поле боя он весел, энергичен, бесстрашен и твердо верит в себя. В сцене гибели Ричарда актер отлично передает, что король-преступник не думает сдаться, духовно он вовсе не сломлен. Он даже не констатирует, получив последний удар, что убит и, зажимая рану, кричит: «Коня! Коня!

стающей скуке и презрению к людям, в духовном окостенении, в утрате человеческого. Если вначале, отправляя на смерть Кларенса, соблазняя леги Анну, Ричард играет своим опасным и вкрадчивым красноречием, гордится своим превосходством над слабыми умом и волей людьми, злобно радуется и насмехается, то после он переходит к бесшабашной циничной злобе, к наглому самовластию, уже ничего не стесняясь и не притворяясь. И лицемерит он теперь уже по-инному. В этом отношении особенно характерна сцена моления и притворного отказа от престола. Самойлов — Ричард поднимает глаза к небу, черты лица застыли и опустели, грустная улыбка — и слушающие, настороженные живые глаза, досадающие, чуть ли не жалеющие эту толпу дураков, Ричард сознает свое превосходство над окружающими и смеется над откровенным корыстолюбием и интриганством придворных.

Бурно и страстно умоляет Елизавету склониться к его предложению, Ричард, победив, сожалеюще и с досадой бросает ей вслепую: «Податливая, ветреная баба!» Ни тени хвастовства или издевательства — деловому человеку просто жаль потраченного времени и досадно, как низки и ненадежны человеческие стремления. С такой же презрительной скукой он отстраняет со своего пути умоляющую и проклиняющую его мать. Но этот деловой цинизм в соединении с грубостью и коварством, с размахистым аморализмом — особенно опасен как оружие в руках политического авантюриста. Превосходство Ричарда над людьми превращается не в его преимущество, а в порок — эмоциональные акценты здесь очень точно расставлены.

Есть здесь отступление от авторской мысли? Безусловно. Шекспир — человек переходной эпохи — настаивает на суеверном смятении души злодея, для чего заставляет дефилировать перед спящим в палатке на поле боя королем глиняную вереницу убитых им людей. Горьковский театр отказывается от акцента на этом, убирает призраки — раскаянья нет, социальное зло живое, мертвый хватает живого.

Богатейший материал помог творческой индивидуальности талантливого артиста раскрыться по-новому. Титанические и в добре, и в зле фигуры эпохи Возрождения, встающие со страниц шекспировских трагедий, — вечный источник творческих побед современного советского театра.

А. АЛЕКСЕЕВА

НА СНИМКЕ: В. Самойлов — Ричард III.
г. Горький.